

Соколов 1948 – Соколов Ю.М. Заметки о фольклорной экспедиции 1926–1928 гг. // Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю.М. Соколова; подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В.И. Чичерова. М., 1948. С. 6.

Шор 1926 – Шор Р.О. Краткий отчет о деятельности Фольклорной п/секции ГАХН за 1924–1926 акад. годы // Художественный фольклор. 1926. [Вып. 1]. С. 110–111.

T.G. Ivanova. The State Academy of Art Science and Its Role in the History of Russian Folklore Studies of the 1920s

The author examines the activities of the State Academy of Art Science (GAKhN) in the 1920s, focusing on its role in the development of folklore studies in Russia. Providing a background of the folklore research in the country in the early twentieth century, the author analyzes the institutional specificity of GAKhN and traces a variety of aspects pertaining to its work in the decade.

ЭО, 2009 г., № 3

© Т.С. Шенталинская

ФОЛЬКЛОР ЧУВАНЦЕВ

Историческое разделение чуванцев на кочевых и оседлых определило и разные пути развития их духовной культуры, в чем решающую роль сыграла русская колонизация северо-восточной окраины Сибири. Чуванцы, прибывшие к Анадырскому острогу¹ под защиту от враждебно настроенных кочевников-соседей, вместе с оседлым образом жизни восприняли от русских язык, православие и многие жанры фольклора, которые в разной степени сохранности бытуют по сей день в среде русскоязычных чуванцев.

Часть чуванцев, продолжавших кочевую жизнь оленеводов, "приняла чукотский язык и чукотский образ жизни", другая их часть "приняла корякский язык" (*Бурькин* 1993: 4)

Первые образцы фольклора чуванцев записаны тогда, когда чуванский язык был утрачен. До сих пор нет специальных исследований по чуванскому фольклору, публикации его образцов единичны. По-видимому, в настоящее время вопрос о собственно чуванском фольклоре может рассматриваться лишь как опыт реконструкции. Тем не менее фольклору *русскоязычных чуванцев* со стороны собирателей и ученых было уделено некоторое внимание и существует материал, дающий основание рассмотреть прежде всего именно этот пласт традиционного творчества народа, сохранившего этническое самоопределение – *чуванцы*².

К середине XIX в. в среднем течении Анадыря уже вполне сложился анклав русского языка и фольклора, центром которого стало с. Марково. Особенностью этого анклава является то, что он существует в среде метисов, живущих в метрополии своих предков по материнской линии: пленницами, а затем и женами русских казаков и промышленников становились женщины коренных народов. Как замечают ученые, преобладали жены из юкагирских племен (*Долгих* 1960: 440). Еще одна особенность, влиявшая на формирование местной традиционной культуры, – полиэтничность территории, где на протяжении многих веков происходили контакты (военные, торго-

меновые и нередко брачные) юкагирских племен с тунгусскими племенами, чукчами и коряками.

Не представляется возможным однозначно определять национальное происхождение жителей Маркова. Показательна родословная знаменитого марковца – Афанасия Ермиловича Дьячкова³. Выясняется, что прапрадед его – "природный *коряк*" женился "на *чуванской* девице"; их сын "перешел в Колыму, где женился на *якутской* девице"; средний сын этой пары "женился на *чуванской* девице"; в свою очередь, у их старшего сына Ермила и его жены – "*омотской* девицы" родился Афанасий Ермилович – "по званию *чуванец*" (Стариков 1961: 99).

«Население Марково давно слилось в однообразную массу и по обличию, и по вере, и по языку, и по нравам, обычаям и приемам. Все находятся между собой в различной степени родства или свойства... всех их принято называть "марковцами"», – к такому заключению приходит в первые годы XX в. начальник Анадырского округа (Сокольников 1927: 121).

Появление советских паспортов с графой "национальность" не прояснило картину. "Отец у меня – юкагир, мать – чуванка, а в паспорте почему-то ламуткой записали", – смеется жительница Маркова Вера Прокопьевна Брагина (1923 г.р.).

Фольклор марковцев, тем не менее, правомерно рассматривать как фольклор *русскоязычных чуванцев*. По данным переписей, в Маркове по численности всегда преобладали чуванцы⁴.

Самые ранние записи фольклора марковцев принадлежат Афанасию Ермиловичу Дьячкову. Пересказы фольклорных текстов органично вплетены в его рукопись об истории и природе края, о быте населения Маркова (Дьячков 1893). Составил он и "Марковский песенник", датированный 1896 г. (АМЦ "НЧ").

Марково стоит в ряду первых мест в России, где производились фонографические записи фольклора. В ходе Северо-Тихоокеанской экспедиции (так называемая Джебзуповская – The Jesup North Pacific Expedition), организованной Американским музеем естественной истории⁵, записи на Анадыре были сделаны осенью и зимой 1900/1901 г. С.К. Богораз⁶ и В.Г. Богоразом. Удалось установить несколько имен их анадырских информантов, среди которых Ульяна Никитевна Созыкина, Анна Созыкина⁷, Мария Алина. Созыкины и Алины – старожильческие фамилии марковских чуванцев. Фамилия Алин упоминается еще в документе начала XVIII в. и, по мнению В.А. Туголукова, восходит к соответствующему чуванскому имени (Туголуков 1975: 182).

С середины XX столетия записи фольклора марковцев делались местным жителем Э.В. Гунченко, сыном юкагирки из марковской семьи Воронцовых, московским этнографом С.С. Савоскулом, лингвистом К.М. Браславцом (Южно-Сахалинск), московскими музыковедами И.А. Бродским (Богдановым)⁸ и автором настоящей статьи, а также журналистом из Анадыря П. Меркером, фольклористом из Магадана Л.Е. Большаковой и др. Сохранению до наших дней части традиционного местного песенного репертуара содействовала деятельность самодеятельного хора "Марковские вечерки", существующего по сей день.

Метизация аборигенов, проживание на земле их материнского рода и наследование многих его канонов, "диффузность" русской и аборигенной традиционных культур привели к появлению новых антропологических, в широком смысле, субъектов. В их жизни духовные, сакральные приоритеты из разных "миров" сосуществуют, уступая друг другу место в зависимости от ситуации и необходимости: русские обычаи, обряды, православие и культ духов-хозяев окружающей природной среды, остающийся актуальным при жизненном укладе и формах хозяйствования чуванцев – рыболово-охотников, а также шаманизм и мифологические представления, унаследованные от предков материнского рода.

Названные особенности среды сказываются и в обычаях, и в семейных отношениях, они определили здесь топику, жанровый состав и самобытность стилистики фольклора.

Известный по немногим публикациям и архивным материалам, фольклор марковцев представляет жанровое разнообразие. Еще в начале XX в. тут находились знатоки русских *былин* и *исторических песен*, о чем свидетельствуют записи Джезуповской экспедиции. В каждом из былинных образцов заметны отличительные признаки, вызывающие определенные ассоциации с устоявшимися представлениями о том или ином локальном воплощении сказительской традиции в метрополии. Сюжеты исторических песен связаны с событиями XVII–XVIII вв., что вполне соответствует эпохе русского заселения края⁹, лексическое и мелодическое сходство объединяет их с записями из Архангельской губ., с печорскими и мезенскими вариантами, с записями с берегов левого притока Ангары, р. Чуны. Некоторые образцы эпических песен демонстрируют близость к записям XVIII столетия. Кроме того, проявляется теснейшая взаимосвязь анадырского и колымского репертуаров. Былины в Маркове постепенно забывались и утратили свой полноценный жанровый облик, но не исчезли бесследно – еще в 80-е годы прошедшего века они существовали в прозаических пересказах с ритмизованными вставками эпических формул¹⁰.

Среди записей песен в количественном отношении с заметным отрывом от других жанров выделяются русские *хороводные*, *игровые* и *плясовые*¹¹. Это репертуар вечёрок, которые во многих селениях Сибири стали оплотом сохранения фольклорной традиции. Лютые зимние морозы, затяжные пурги, короткое страдное – на рыбалках – лето, с несметными тучами комаров, – все это загнало традиционно уличные хороводы в тесные избышки марковцев на веселые зимние сборища. Все хороводные и плясовые песни называют здесь *вечёрочными*.

Вместе с тем и в условиях стесненного, закрытого пространства продолжали бытовать разнообразные движения: круговые и наборно-разборные хороводы, приплясывание "стенка на стенку", заплетание "плетня", хождение по кругу (мужчина за женщиной, со сменой направления), взад и вперед (парами или женщины перед сидящими мужчинами и наоборот).

В пляске женщин ценилась плавность, мелкий шажок, излюбленная позиция – руки согнуты перед грудью с покачиванием локтями, излюбленным было и помахивание платочком. Мужчины плясали: руки за спиной или, уперев в бока, поднятой рукой вращали платочек, держа его за уголок, ногами выделявали "гармошку" (попеременно – пятки вместе, носки врозь и наоборот), шли то мелким приставным шажком, то в присядку, хлопали в ладоши под ногой. Под плясовые песни пары еще и просто кружились в обнимку, за что такие песни получили название *вертятьи* (вертячи).

По сей день вспоминают марковскую чуванскую пару Алиных, хотя им бы теперь давно уже перевалило за 100 лет: "Ион (Иона) на скрипке играет, жена – Дукара (Евдокия), красивая, как русская, выйдет плясать, как уточка плавала, а он перед ней выплясывает прямо со скрипкой" (ПМА 1).

Марковский "бал", устроенный в один из рождественских вечеров 1866 г., произвел неизгладимое впечатление на американца Джорджа Кеннана, сотрудника Русско-американской телеграфной компании, который оставил его образное описание. "Такого пения, такой пляски, такого возбуждения я никогда не видывал, оно разом уничтожило мое самообладание", – признается американец (Кеннан 1897: 288).

Еще в 60-е годы прошедшего столетия памятью немногих марковцев старшего поколения поддерживалась традиция русской *протяжной* песенной лирики. Один из знатоков местного фольклора, чуванец Яков Дмитриевич Созыкин (1913 г.р.), проникновенно пел старые лирические песни (ПФА 1):

При...да оденься да, свитёл месяц, тимнотой!
 Дайти нам волюску, нам скрыться (в)от людей.
 Злыя да люди да заметяют, говорят.
 Ни дай, Бозы, да ни дай, Бозы, бизвернова любить.
 Тем бизвернова любить, лутьсы на свити ни зыть!

Кроме названных жанров в Маркове бытовали *солдатские* и поздние *городские* песни, *романсы*; *шуточные* песни и *частушки* местного сочинительства; А.Е. Дьячковым были записаны тексты *песен свадебного обряда*.

Примечательно, что среди русских вокальных жанров отсутствует жанр плача. По-видимому, это связано не только с тем, что среди русских пришельцев преобладали мужчины, тогда как плач в русской традиции на протяжении многих веков был прерогативой женского исполнения, но и особенностью автохтонного отношения к смерти, покойнику и обряду похорон. "Не причитывали, соблюдали тишину. На Чукотке такого нет... На кладбище не причитывали, не пели. Это у русских, у нас-то – нет" (ПМА 2: Лидия Николаевна Вартакьян, 1941 г.р., В.П. Брагина). Вместе с тем марковские чуванки, по-видимому, владели причесным интонированием, о чем свидетельствуют фрагменты сказок, записанных в Маркове, с тонированными речитативами (публикуются в настоящей статье, см. ниже).

Если в словесных текстах русских песен изредка встречаются смысловые потери из-за отсутствия адекватных жизненных ассоциаций, вроде подмены "наливного яблочка" "налимным яблочком", то в музыкальном отношении некоторые песни обогатились новыми оригинальными мелодическими вариантами.

Профессиональные музыканты оценили именно мелодическую красоту марковских песен при первых их публикациях с напевами: "Прежде всего хочется отметить яркую художественность и оригинальность песенного материала. Песни отличаются красотой, мелодическим богатством, в них отчетливо проявляется высокая певческая культура, свойственная русским северным местностям и унаследованная жителями далекой Чукотки. Все эти песни имеют репертуарную ценность"¹².

В лирических песнях марковцев – большой диапазон (часто свыше октавы); лады – диатоника (нередко с отсутствием второй ступени по отношению к устою); в некоторых образцах словно избегание близких секундовых сопряжений: заметное преобладание терцовых, кварто-квинтовых ходов; "изломанность" мелодического рисунка, иногда резкая смена регистров. Эти черты сродни мелодике уникального жанра – андыльщины, колымского "эндемика", рожденного на перекрестке русской и аборигенной песенных традиций на Нижней Колыме (*Шенталинская* 1995, 1996). Возможно, эстетическая причина такого явления – сильное художественное впечатление и утрированное восприятие аборигенами протяжного пения русских. Новизна и чуждость русского пения на территориях кочующих племен отразились в чукотской сказке, записанной В.Г. Богоразом, где пение русских сравнивается с воем собак (*Богораз* 1902: 147)¹³.

Характерные приметы многих напевов – терцовые шаги-"цепочки", мелодические обороты, охватывающие пентатонику¹⁴, и шестиступенные ангемитонные обороты¹⁵.

Одна из особенностей манеры пения марковских женщин – мягкость звучания без какого-либо форсирования голоса. Такая манера, очевидно, происходит из корневых

условий жизни и традиций людей крайнего Севера – пение в яранге, пение "личных" песен – для себя¹⁶. Здесь не было жанров, функционально связанных с интонированием закликаний в открытом природном пространстве, что свойственно культуре земледельцев. Кроме того, на манеру женского пения, несомненно, повлиял стиль церковного клиросного пения¹⁷.

В ансамблевом пении заметно преобладает унисонное с эпизодическим октавным удвоением, с выходом женского голоса (одна-две исполнительницы) в высокую миксттовую тесситуру – одна из характерных примет многоголосия на Русском Севере, а также с эпизодически возникающей терцовой второй¹⁸.

По воспоминаниям марковцев, любимой формой музицирования было пение со скрипкой. Фонографическая запись 1901 г. зафиксировала именно такое исполнение исторической песни о Захарии Чернышове: пение исполнителя-мужчины сопровождается игрой на скрипке (АТМ: 432.10А, 56. 4582). Текст скрипичной партии дает основание предположить, что строй инструмента должен был быть кварто-квинтовым на трех струнах¹⁹.

"Кроме скрипки и балалайки, здесь никаких музыкальных инструментов не имеется", – сообщает в конце XIX в. А.Е. Дьячков и прибавляет, что гармоники и флейты (которые тоже есть) – "не местные изобретения, а покупаются через чулок" (*Дьячков* 1893: 113), подчеркивая местное бытование/"изобретение" скрипок и балалаек. На Анадыре, как и на Колыме, делались свои скрипки и балалайки²⁰. Скрипку делали трехструнной, с лукообразным смычком. Особенностью марковской балалайки является то, что кроме двух обычных струн есть третья, короткая струна; колок, натягивающий ее, крепится сбоку на нижней части шейки грифа. Записи Джезуповской экспедиции запечатлели и ансамблевое инструментальное (скрипка и балалайки) исполнение плясовых мелодий, и сольные скрипичные наигрыши. Скрипка стала даже предметом одной из местных загадок: "По брюху – дорожка, меж ногами – три ложка, над дырками – радость" (АРАН 2: 54 об.). Но уже в 60-е годы XX в. не удалось ни услышать местного скрипача, ни найти образцы местных инструментов.

Скрипок и балалаек, конечно, было немного, и на вечёрках их часто с успехом заменяли *гребни, обернутые бумагой*. На них, прижав к губам, выводили плясовые напевы.

Гармошки, по свидетельству А.Е. Дьячкова, появляются в Маркове с конца XIX столетия и как общераспространенный инструмент постепенно входят в быт, вытесняя старую скрипку. Гармошку здесь называли "шарманкой".

Делали в Маркове *свистки* из тальника. Это была и детская забава, и инструмент, которому приписывали магическую силу. Летом брали свисток в тундру, когда по ягоды, например, ходили: "За-а-рко, кома-а-рно. Посвистис, так маленько ветерок, вроде бы" (ПМА 1). Подобным образом использовали такие свистки и на Нижней Колыме. Посвисты, вызывающие ветер, – часть того глубинного пласта звуковой среды, в которой жили марковцы и вырастали их предки²¹.

К древнему слою музыкальной культуры чуванцев следует отнести и *бубен*, и *варган*, инструменты, маркирующие музыкальную культуру народов Севера. А.Е. Дьячков подробно описывает бубен шамана (*Дьячков* 1893: 127, 130–131). Остается неясным, какому шаману он принадлежал (чуванскому, чукотскому, ламутскому?). Ю.И. Шейкин констатирует близость описываемого бубна по структуре и функции к бубну верхне-колымских юкагиров (*Шейкин* 2002: 75). Образцы наигрышей на пластинчатом варгане были записаны от анадырских чуванцев И.А. Бродским и Ю.И. Шейкиным. Примечательно, что и название инструмента, и жанрово-тематические определения наигрышей даются на чукотском языке (*Богданов (Бродский)* 1981; *Шейкин* 2002: 128, 516).

К архаичным фоноинструментам (так называемым свободным аэрофонам) чуванцев, по наблюдению Ю.И. Шейкина, следует отнести свистящий прут, который служил марковцам лучшим способом обороны от волка: "волк боится свиста, происходящего от быстрого махания прутом" (*Дьячков* 1893: 21)

Также к глубинному пласту интонационной культуры чуванцев относятся и различные ономотопеи, и голосовые понукания оленей и ездовых собак, которые не ограничивались лишь промысловой, служебной функцией, а стали частью фольклорных текстов. Звукоподражания голосам птиц входят, например, в известные образцы сказок, а темпераментные выкрики: "Хот! Хот!.. Хоттушки! Хотчача!", которыми сопровождалась пляска на марковских вечерках, по заверению местных плясуний, навеяны именно криками понукания.

Автохтонный слой фольклора проступает в женском творчестве, в жанрах, обращенных к детям. В них особенно заметно проявляется тот стилистический полилингвизм, который естественно возникает в среде метисов²².

Женщины, вернувшись с вечерки, где, помахивая платочком, под звуки балалаек и скрипки отплясывали "Камаринскую" и разыгрывали целые сюиты из русских хоропроводных песен, убаюкивали ребенка ритмизованным горловым урчанием, как это делают чукчанки. Возможно, именно о таком убаюкивании сообщает А.Е. Дьячков: «Некоторые старухи напевают над люлькой слова "гувер, гувер"» (*Дьячков* 1893: 103). Или матери произносили заклинание-оберег, подлаживая его к напеву общераспространенной русской колыбельной, призывая зверей забрать у дочурки – любимой *олишки, йоглушки*²³ – все болезни.

«Когда мама укладывала спать, – рассказывает чуванка Елизавета Егоровна Голубева (1943 г.р.), – или когда приболею, она всегда приляжет, укроет одеялом, теплота такая от нее, и поет. Ну, она без слов пела ("без слов", т. е. не пела готовые слова какой-то песни, а сочиняла сама, импровизировала. – *Т.Ш.*):

Баюшки, бай-бай... (Потихонечку...)

Баюшки, бай-бай,

Ты не болей, моя дочь... (Протягивала она...)

Ты моя хорошая, ты моя олишка,

Ты не болей никогда,

Пусть болит у всех злых зверей,

У тебя не болит... (Ну она всех тут зверей...)

Вот злой медведь... (Я тут открываю глаза. Она, наверно, посмотрела на меня):

Вот большой медведь, поболи у него,
 Не боли у моей, у моей олюшки.
 Вот лиса пробежала, ох ты хитрая.
 Хитрая лиса, поболее-ка за дочь... (Потом она опять говорит):
 Олещка ты моя, не болей никогда.
 Вот и белочка, очень белочку жаль,
 Горноста́й прибежал, горноста́йчик,
 Забери болезнь ее, раскидай на весь лесок.

[*Каких она еще зверей называла?*] – Ну она называла подбережных, морских зверей:

Вот и кит большой... (Открываются глаза, думаю, где кит?)
 Вот и кит большой, ты большой кит,
 Забери ты болезнь, забери ее с собой.
 Баю-бай, баю-бай, олещка моя.

[*Каких птиц она называла?*] – Нет, птиц она почему-то жалела. Я обратила внимание, вот коль она белку пожалела, значит и птиц ей было жалко. Она выбрала для чего-то зверей. Когда она выезжала в Анадырь, на слет, ну видать, видно, там видела, там нерпа была, белуха. Вот она:

Ты белуха морска, ты возьми ее болезнь,
 Ты белуха бела, ты возьми ее болезнь... (И опять она):
 Баюшки, бай-бай, не болей!
 И да йоглушка, и да йоглушка моя...» (ПФА 3).

Очевидно, это тот тип убаюкивания ребенка, о котором также сообщает А.Е. Дьячков: «Укачивая ребенка, матери напевают обыкновенно "баю", иногда же причитают, как все матери, то или другое, всякая по-своему» (*Дьячков* 1893: 103).

И сегодня в Маркове можно услышать сказку с напевными монологами, которой "тешили" ребенка. Рассказала ее чужанка Матрена Егоровна Черногор, 1933 г.р. (см.: *Шенталинская* 2004: 75–77):

"Жила-была Чайка. У нее Чаечка была, дочка. И вот она ее должна замуж отдать. Вот прилетает Ворон. Прилетает и гурит:
 – Чайка, отдай мне твою дочку замуж.
 Она и поет:

Тихо, ласково

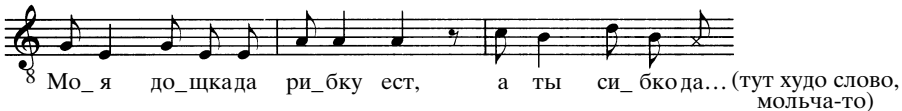
♩ = 144

Мо_я до_щка да бе_ли_нька, а ты си_бко да чё_рни_нькой,

Мо_я до_щка да ри_бку ест, а ты си_бко да па_даль ешь.

Рассердился Ворон, улетел. Вот(ы) летит Коршун. Летит... – Я токо не знаю как они... Она, мама, нам не говорила, как они кричат-то. Ну вот. Прилетает: – Чайка, а ты отдай дочку-то замуж.

– Нет-дэ, не отдам тебе.

Ну, он рассердился да улетел²⁴.

Ой [со вздохом]! И летит [в]друг, Ястреб летит. Красивый такой: – Чайка, отдай мне твою дочку замуж.

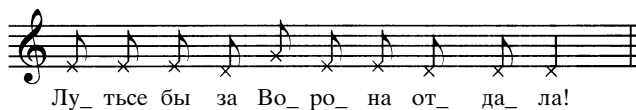
Она:

Мольча, она позэнила их. Полетели Чайка с Ястребом. Дуук [вдруг]! Посреди реки тохко [только] одни киски летят. Он у нее, это брухо-то распорол [смеется и продолжает со смехом] у нее да съел ее всю. Перья, одни перья летят.

Чайка плачет:

С плачевной интонацией

"Ребатишечью сказку" про чаечку записал еще В.Г. Богораз осенью 1900 г. в Вакарино, по дороге из Мариинского Поста в Марково, от старухи Анны Плесковой, от которой им были записаны и юкагирские сказки и в то же время один из самых полноценных текстов русского "Виноградья"²⁵. В этой версии набор женихов был таков: ворон, гусь, лебедь и орел, за которого была выдана дочка чайки. Описывается здесь и свадебный праздник:

«Вот и взял [орел] и понес [дочку чайки] домой. Стали делать вечерку. Вот и говорят ворону: – А ты, ворон, пропляши. Ты под чего пляшешь? – Я под "Зореньку". Вот и стали играть:

Зоренька занялась,
(В)алая занялась.
Кон! Кон! Кон!

Ворон и проплясал. Вот и говорят сороке: – Сорока, а ты пропляши. Ты под чего пляшешь? – Я под "Коломенку". Вот и стали петь:

Коломенка юпочка,
Лучше <тебя трубочка>.

Он[а] и проплясала. Еще говорят к гагаре: – А ты пропляши. Она и говорит: – Я под "Кедрея". Вот и заиграли:

Ох, Кедрей, ты, мой Кедрей.
Кедрей сени воскочил,
Сени двери не закрыл,
Всю сельдяточку скормил.
Кедреева мати спину опалила,
Спину опалила, ушканину приложила.

Ну гагара чего, только ползат. Кукша-то за лебедевой спиной стоит, ей и стало [о]бидно. Вот и говорит лебедю: – Ой, – говорит, – лебедь, ты бу хоть того запорчис, за твоей шеей мне-ка ничего не видно. Вот лебедь обсердился, хватил кукшу, бросил [в] огонь, кукша опалилась, улетела домой; все птицы разлетелись. Орэл схватил да и понес чайку когтях. Пока нес-то и всю съел. ТОЛЬКО»²⁶.

Примечательно, что свадебный праздник птиц назван *вечёркой*, а "Зоренька", "Кедрей", "Коломинка-юбочка" – песни, под которые пляшут собравшиеся на свадьбу птицы и которые, по-видимому, пела исполнительница, рассказывая сказку, входили в традиционный репертуар марковских вечёрок, они еще и сейчас живы в памяти марковцев.

Исполнение включало звукоподражания голосам птиц: Чайка – кау, кау, кау; Гусь-казарка – <лнгсы>; Лебедь – их, их!; Орел – ксы, ксы; Ворон – Кон! Кон! Кон! (*Шенталинская* 2004: 77–79).

С теми же птицами-женихами и с той же их иерархией, так же со звукоподражанием песенная версия этой сказки была записана автором на Нижней Колыме, в пос. Черский. Исполнительница, Анна Иннокентьевна Винокурова (1912 г.р.) – дочь русского ссыльного и сахалярки²⁷, унаследовала песню от матери (Там же: 72–75).

Совокупность трех текстов делает очевидной связь сюжета, когда-то активно бытовавшего среди русскоязычных колымчан и анадырщиков, со сказкой "Свадьба птиц", относящейся к древнему пласту юкагирского фольклора, записанной в регионе Верхней Колымы (*Жукова и др.* 1989: 27–31). Сватовство и свадьба птиц, состязание в пении и плясании, взаимное высмеивание, объяснение происхождения окраски и форм туловища птиц – типичные мотивы в фольклоре народов Сибири.

Марковский напев несет в себе явные черты фольклора аборигенов: преобладает характерная бесполутоновость, всего одно секундовое сопряжение звуков²⁸, интонационное "раскачивание" внутри попевки и репетиционные финалисы, ямбический рисунок музыкального ритма – один из типовых в юкагирской, эвенкской и эвенской музыке, не совпадающий здесь, однако, с ударениями русских слов. Несомненна близость интонационно-ритмического комплекса первого, "отправного" сегмента напева с песней "Об утках-моряках", записанной у верхнеколымских юкагиров (Игнатьева 2005: 59).

В детских сказочках-потешках используются мотивы, типовые в фольклоре народов, живущих охотой, развивающиеся в больших сказках, например, послание на опасную охоту, чтобы известить, избавиться от нежеланного человека²⁹.

«Когда мы спать ложились, – говорит Матрена Егоровна Черногор, – отец нам рассказывал:

– Ну, жили старик со старухой. Старуха старика-то хотела известить, вобщем. И вот она посылает утром:

Бон_ дан_ да, Бон_ дан_ да, да, Бон_ дан да, Бон_ дан да!

По_ йди у_ ска_ нти_ ка у_ бей нам на е_ ду_ ску.

Посол Бонданда. Дук [вдруг] вечером, мольча, приносит ускана. Живой. Назавтра опять она посылает [поется на тот же напев]:

Бонданда, Бонданда,
Да Бонданда, Бонданда,
Пойди медведя-то убей
Нам на постельку.

Посол Бонданда. Вечер его нету. Потом второй день тозэ нету его. Ну она, старуха-то, догадалась: однако, он не вернется. Стала плакать:

Ой, на сто я е_ во по_ сла_ ла то!

Ме_дведь-от е_ во ведь у_ бил!

Стала плакать она, стала залеть...» (ПФА 3).

Заметно субстрат творческого мышления аборигенов проявлен в нарративных жанрах.

В труде А.Е. Дьячкова пересказаны *космогонические предания и сказки*, например, о сотворении земли (Крохаль добыл землю из под воды), о том, почему на луне есть пятна (месяц взял к себе девушку, которая пошла за водой, "с тех пор, будто бы, появилось на луне изображение человека"); *этногонический* сюжет о том, как женщина попала в берлогу медведя и родила от него сына; *промысловый* – о том, как на тропе охотнику встретился раненый зверь, охотник помог ему, а зверь отблагодарил, – все эти сюжеты являются общими для многих народов Северо-Востока (Дьячков 1893: 120, 123, 139, 140; Новикова 1958: 41, 89; Киле 1986: 60–68).

В преданиях и сказках обращает на себя внимание сакральное отношение чуванцев к белому цвету, белому оленю. Один древний чуванский шаман, вознесшийся на небо, оделся для этого в "белую одежду, запряг под санки двух белых оленей" (Дьячков 1893: 129). Герой, отправляющийся искать себе жену, надевает штаны из *камусов белого оленя* (Bogoras 1918: 96). Девушка, приглашая парня к себе, указывает приметы своего дома, дома отца – главы стойбища: дом – самый высокий и покрыт *ослепительно белыми* шкурами (Ibid: 96. Курсив в приводимых цитатах наш. – Т.Ш.). Такое же отношение к белому цвету проявляется и в ритуальной атрибутике, и в фольклорных текстах многих народов – территориальных соседей чуванцев.

Многие мотивы в *сказках*, рассказанных анадырскими чуванками, типично автохтонны. Например, в сказках, заканчивающихся счастливой женитьбой героя, он остается в доме жены; к ним перекочевывают и родители мужа, соединяя стада оленей обеих семей (Ibid: 136–138, 139–141) – отчетливый след матриликальных браков, распространенных у юкагигов (Туголуков 1979: 127–128).

В одной из сказок установить виновность сестры, обманом вступившей в брак с братом, и совершить наказание за нарушение табу поручается сабле. Брат "повесил ее против дверей и сказал: – Если моя сестра, то упали ей прямо в сердце" (АРАН 2: Л. 66 об.; Bogoras 1918: 132). Вспомним, что вера в магическую силу неодушевленных предметов проявлена, например, в обычае чуванцев определять правильность выбора имени новорожденному по поведению подвешенного камня-амулета (Гурвич 1992: 79).

В нескольких сказках настойчиво повторяется мотив человеческого ануса, как уязвимого места и источника нечистого. Последней оставшейся стрелой старик целится в анус "идола поганого" – Ягишны (перенесение имени из русских сказок на злых духов, населяющих мир своего локуса). Стрела попадает, проходит "на вылет" через рот и убивает Ягишну. Злой дух Косетока обследует тело девушки, притворившейся мертвой, "отверстие в задней части" принимает за рану. Из-за плохого запаха, исходящего оттуда, он заключает, что рана старая, началось разложение и тело потому – несъедобно. Косетока оставляет девушку в покое. Или: люди разглядывают поверженного страшного людоеда и находят в его анусе длинный точильный камень (АРАН 1: Л. 19 об.; Bogoras 1918: 134; АРАН 2: Л. 37 об.; Bogoras 1918: 127; АРАН 2: Л. 48; Bogoras 1918: 133). Или: после того как лошадь разорвала ягодицы старухи, вместо того чтобы по ее просьбе подтереть ей анус, оттуда выскочило множество мышей, горностаев, крыс, жаб, личинок. Старуха умерла. Беспомощность старости – нечиста (Bogoras 1918: 140).

В сказках, записанных на Анадыре, в Маркове, настойчив страх перед людоедством, неприятие его, а у самих людоедов – запрет на поедание родников. Девушка, гонимая голодом, возвращается в свое разоренное стойбище, где теперь пируют враги: "Всех убили... стали их сушить, да кости колотить, да есть". Девушку гостеприимно угощают, но, заподозрив, что угощают ее мясом перебитых людей, она отказывается есть (АРАН 2: Л. 38 об.; Bogoras 1918: 126).

Парень, уйдя из дома, подле первого же жилья, встретившегося на пути, увидел, что на "лабах так люди за волосы весются". В избе "баба сидит", обрадовалась ему, человека "сдернула домой".

- Куда ты его сдернула?
- Я буду тебе еду варить.
- Я ведь эту еду не ем.

Отказывается парень есть и из того котла, в котором варилась человечина, отказывается жениться на бабе-людоедке, ставя ей условие: "Когда а ты эту еду перестанешь есть, тогда я на тебе женюсь" (АРАН 2: Л. 50 об.–51).

Как видно, людоедами предстают персонажи, описываемые как реальные люди и окруженные бытовыми реалиями. Возможно, родовая память хранила ужасы существовавших в действительности фактов.

Нередко в анадырских сказках монолог передан рифмованно или ритмизованно и, по-видимому, исполнялся тонированной речью или пелся (как в публикуемых выше записях). Возможно, в этих вставках, часто содержащих непередаваемые слова, а также в некоторых возгласах и именах героев проявляются рудименты забытого языка (*Bogoras* 1918: 133). Одну из сказок, записанную на Анадыре, Богораз комментирует следующим образом: "Неизвестные слова, встречающиеся в ней, были определены как принадлежащие к чуванскому языку, однако никто не мог перевести их".

Среди сказок, записанных на Анадыре, Богораз выделяет, как возможно *чуванского* происхождения, сказку о Понданди (Бонданди), краткая версия которой публикуется здесь (см. выше). Запись Богораза демонстрирует развернутый сюжет *волшебной сказки* о том, как прислужник добивается женитьбы на дочери своего умершего хозяина, выполняя одно за другим ее задания. Та, в свою очередь, наращивая трудность заданий, надеется на гибель Понданди и свое избавление от него. Последнее задание – лететь за выпущенной в небо стрелой – кажется совсем невыполнимым. Понданди исчезает в небе, но в конце концов возвращается красивым, в богатой одежде и с родителями, пригнавшими оленей, заполнивших всю долину. Молодые люди женятся и объединяют свои стада.

Речь девушки произносится ритмизованно, с теми же обращениями – "О Понданди, Понданди!", что и в версии, записанной спустя 100 лет. Богораз публикует и колымскую версию сюжета про Бонданды в виде простой шуточной песенки, которую обычно использовали как колыбельную (*Ibid.*: 136, 138–139; *Богораз* 1901: 222–223).

Чуванским считает Богораз героя-богатыря по имени Ла'ла. Сказка о нем, записанная и на Колыме, и на Анадыре – типичный образец древнего героического повествования, относящегося ко временам кровавых раздоров чукчей и чуванцев. Ла'ла идет мстить чукчам за разоренные стойбище и истребленных родных. С помощью брата, которому велит оборотиться в лису и отвлечь внимание противника, он побеждает множество врагов, овладевает их оленьими стадами и в итоге обретает красавицу жену (*Ibid.*: 95–97).

В среде марковцев бытовало много русских сказок: о Царевне-лягушке, Идолище поганом, Иваске-дураке, Коньке-горбунке с Жар-птицей, Сивке-Бурке, лисе, обманувшей старика и волка, об отправке юноши (в Маркове – брата) с целью его погубить за звериным молоком; сказки с мотивами борьбы с двенадцатиголовым змеем, игры в карты 12 "плешивых", о гигантской птице (в Маркове – "Мага", "Моголь") (*Браславец* 1975; ПФА 1: *Созыкин Я.Д.*; ПФА 2: *Куркутский И.И.*, 1916 г.р.). Главные особенности их бытования – перенесение действия в реалии местной жизни, наделение местной лексикой и часто нанизывание в одном тексте сюжетов и мотивов из разных сказок, что обусловлено, по-видимому, стремлением предельно долгого сказывания³⁰.

Рассказывая автору одну из таких длинных сказок, чуванец Иван Иванович Куркутский вдруг прервался и недоуменно спросил: "Сто с ты не подтакивас?" *Подтакивание*, возгласы, подтверждающие интерес слушателя и передающие его реакцию на события повествования, необходимы рассказчику и традиционны в Маркове. Традиционным было и *ночное сказывание*. Марковцы вспоминают: Яков Созыкин до утра

сказки рассказывал. На стену посмотрит: "О, солнце уже восходит...". Эти традиции родственны традициям других восточносибирских народов, и восходят к сакральному отношению к акту повествования.

Один из самых распространенных жанров, в том числе и среди современных марковцев, – *былички*. Их рассказывают люди всех возрастов. Марковцы помоложе и более образованные часто начинают быличку словами: "Хоть верь, хоть не верь...". Люди старшего поколения, рассказывая, как бы переживают случившееся, что выдает выразительная мимика, жесты, интонация голоса. Много быличек о встрече с необычными людьми – "волосатое лицо", "красная камлейка", "одет по-ламутски", кто-то "с Колымы!", о встрече, борьбе, с "травяным человеком"³¹; о том, как в тундре появляется кто-то из родственников или слышен его голос, заманивает в незнакомое далекое место и исчезает. Это поучительные истории об обязательном наказании, исходящем от "неизвестно каких сил", за нарушение промысловых запретов, например, за стрельбу в заповедном месте, у "шаманского камня". Рассказывают о "чудинковатых" местах: кто-то входит, стучит, слышны голоса; о том, как в далеких от жилья местах видели блестящую посуду. Несколько быличек о местных шаманах были записаны в последний год XX в., что подтверждает существенную роль веры в шаманов в среде чуванцев-марковцев (ПФА 3: М.Е. Черногор; Меркер 2000; Батьянова 2005: 160–165).

До сих пор бытуют в Маркове и вызывают много смеха анекдоты, записанные еще А.Е. Дьячковым, про ванцев – ленивых, нерадивых, "*дикоплеших людей*", по местному определению (Дьячков 1893: 133–135). "У русских – Иванушка Дурачок, у наших – ванцы называли, – объясняет чуванец Юрий Борисович Дьячков (1962 г.р.)³², – до того они были дикоплешие! Их раньше много было. То, что они дикоплешие, – не могли выжить, вот их не стало. Это бабка так рассказывала, как сказка. А сейчас все равно кто-то от них остался, какие-то ихние потомки. Здесь, в Марково, Чуванск, Ламутск... Может, они были среди всех. В каждом же народе есть лентяи. Как бы их осмеивали".

Бабушка Ю.Б. Дьячкова – Екатерина Андриановна Березкина (1916 г.р.) – рассказывала о том, как ванцы отправились чаем поить Хозяина реки в проруби, да там и потонули. Когда хватились мужиков, начальник спрашивает у жен, каковы они? А жены не могли вспомнить даже, были ли у них бороды (Меркер 1998). У А.Е. Дьячкова записан анекдот, как ванцы сплавлялись верхом на бревне, обвязав для верности ноги; перевернулись, утонули, а "оставшиеся товарищи еще кричат им сзади, зачем начали рано ноги сушить". Еще о том, как ванцы подолами пытались занести солнечный свет в юрту без окон и трубы, а оттуда таким же образом – дым (Дьячков 1893: 134, 135).

Эти сюжеты кочевали от народа к народу и на Анадырь были принесены, скорее всего, русскими, которые рассказывали аналогичные истории о "пошехонцах" (см.: Барак и др. 1979: № 1225, 1245, 1245А*, 1293В*).

Сюжет, также записанный А.Е. Дьячковым, о ванце (мужчине, старике), который принимает за женщину свое отражение в воде, вступает с ним в любовный диалог и в конце концов гибнет в воде, исследователи считают корякским (Дьячков 1893: 134; Новикова 1958: 17), хотя его можно признать излюбленным в фольклоре многих народов азиатского Северо-Востока.

Интересно, что А.Е. Дьячков называет конкретную территорию, где в "незапамятные", как он пишет, времена жили ванцы: "в верховьях Анадыря и на покатоности к Колымскому морю", территорию, совпадающую с кочевьями самих чуванцев, прежде чем они осели в среднем течении Анадыря.

В современном Маркове много своих анекдотов. Это истории о нелепых ситуациях, возникающих при встрече старого и нового, пришлого и коренного, местного, как правило, с пародированием говора стариков:

«Бабушка Харитина в Анадыре [приехала из Маркова] смотрит в окно: "Мотри! Охто там стоит? Музык пьяный какой-то. Мороз ведь, а он кептёнку в руке дёржит. Пойди вынеси ему кого-нибудь: сапку, тяёк попить..." (на памятник Ленину. – Н.Ш.)».

"В Ерополе пропагандист на закрытом партсобрании два часа разъяснял о культуре личности Сталина. Петро Сытников пришел домой к другу.

– Сто там было?

– Нельзя, мольча, сэкрет больсой.

– Сказы, диколонтику [одиколончику] дам...

Крепился, крепился, не выдержал:

– Да у Сталина, бают, куль лисний насли!" (ПМА 1: *Куркутский*).

Исследователи уже отмечали, что *игры* чуванцев весьма сходны с теми, которые известны у других народов Северо-Востока России (Бурькин 1993: 31). Некоторые уличные игры описаны А.Е. Дьячковым, например, такие как игра в мяч из оленьих шкур (Дьячков 1893: 113). На улице любили еще играть в "Ворона"³³. Несколько человек выстраиваются в затылок друг другу, обхватив стоящего впереди за талию или взяв его за подол. Это – Птенцы, их охраняет Мать – стоящий в голове шеренги. Ворон – тот, кто водит, норовит схватить последнего Птенца, того, что в "хвосте". Ворон налетает, Мать, широко расставив руки, защищает детей, шеренга при этом мечется из стороны в сторону. В Маркове выкрикивали песенку-дразнилку, которой подзадоривали Ворона (ПМА 1: Мария Михеевна Гунченко, 1917 г.р.):

Во_ рон, во_ рон во_ ро_ ва_ те_ нький,
 Во_ рон, во_ рон во_ ро_ ва_ те_ нький!
 У во_ ро_ на гла_ зки су_ хо_ ньки,
 А у нас - ти гла_ зки жи_ рни_ ньки!

Следует добавить, что на вечерках внутри избы играли в игры, традиционные для русских бесед-посиделок: в "Уголки" и "Пеньки" (кто быстрее займет освободившееся место), "Дрёму" (пантомима, разыгрывающаяся под соответствующие слова песни).

В уличные увеселения, утратив обрядовый смысл, связанный с аграрной магией, превратились традиции русских календарных и христианских праздников: на Масленицу катались на собачках, на Пасху устраивали качели, на Троицу бросали в воду венки. Нередко весенне-летние церковные праздники совпадали с ледоходом, и марковцы шли "дарить реку" – обряд, не утративший сакральность для коренных анадырщиков и по сей день: бросали в воду кусочки съестного, завернутые в "трапицу", приговаривая: "Вот, возьми!.. Спасибо тебе, Батюшка-река, наша кормилица!", старухи кланяясь при этом, могли и креститься (ПФА 3: Ольга Пантелеевна Алина, 1937 г.р.).

Как это свойственно окраинным территориям, здесь сохранялись явления традиционной культуры, ставшие раритетами или вовсе исчезнувшие в метрополии, фиксация которых заметно расширила географию их распространения. Это относится к русским эпическим жанрам, образцам скрипичного исполнительства, рождественским величаниям-виноградьям, театрализованному представлению "Лодка"³⁴, записанным в Маркове. А недавно автором был выяснен факт существования тут рисованного на бересте объяснения в любви. Сообщил об этом Ю.Б. Дьячков. В лаконичных формах знаков-символов марковской *пиктограммы* прочитываются инварианты, связующие ее с юкагирскими *шангаршорилэ* – "письмом на коже дерева", или *тосами*³⁵. При

этом марковская пиктограмма привнесла новый знак в известную "лексику" рисованного письма юкагиров – знак матери, который имеет явные аналоги с образами роженницы-прародительницы, характерными для древних петроглифов на территории Северной и Центральной Азии (*Шенталинская* 2003).

Местный фольклор во всей своей совокупности ставит под сомнение утверждение о полном обрусении марковских чуванцев к концу XIX в. (*Гондатти* 1897: III; *Патканов* 1911: 125). В их фольклоре отчетливо проступает *автохтонная традиционная культура*, в которой особенно заметен юкагирский след. Для некоторых жанров она является основным порождающим фактором. В разнонаправленном взаимодействии и взаимообогащении разнородных культур (русской и автохтонной), а в автохтонной – культур разноплеменных формировалась сложная многосоставная система устного народного творчества, в которой каждый из жанров занимал свою функциональную нишу. Проблема субстрата в фольклоре марковских чуванцев, как и наследие русской традиционной культуры, заслуживают пристального изучения.

Примечания

¹ Военизированный пост для сбора ясака, основанный в 1649 г. в среднем течении р. Анадырь.

² Предлагаемая статья, по сути – первый опыт обобщения накопленных сведений о фольклоре русскоязычных чуванцев.

³ Краевед-самородок, составивший в конце XIX в. подробное описание жизни Анадырского края, первый учитель первой марковской школы (см.: *Дьячков* 1893; *Жихарев* 1992).

⁴ Данные переписей населения Маркова и других ближайших к нему поселений см.: *Вахтин и др.* 2004: 56–58.

⁵ Коллекция фонографических записей экспедиции на восковых цилиндрах является собственностью Музея естественной истории (American Museum of Natural History, New York) и хранится в Архиве традиционной музыки Университета штата Индиана в Блумингтоне. В настоящее время копии записей имеются в фонограммархиве Института русской литературы РАН (Пушкинский дом).

⁶ Софья Константиновна Богораз, жена В.Г. Богоразы.

⁷ Возможно, это одно лицо; Е.И. Якубовская, расшифровавшая большое количество образцов фонозаписей Джезуповской экспедиции, предполагает, что "Ульяна" (так называет себя исполнительница) – искаженное на фонограмме звучание имени "Анна" (*Якубовская* 2008).

⁸ И.А. Бродскому принадлежат записи и несколько аудиопубликаций образцов фольклора так называемых оленных чуванцев.

⁹ Это песни о князе Скопине-Шуйском (полководец времен борьбы с польской интервенцией – Смутное время), "сынке" Степана Разина, князе Голицыне (фаворит царевны Софьи Алексеевны), фельдмаршале Шереметеве (герой русско-шведской войны 1788–1790 гг.), смерти Лопухина, Захарии Чернышове (генерал В.А. Лопухин и генерал-фельдмаршал З.Г. Чернышов – участники Семилетней войны 1756–1763).

¹⁰ Публикацию и анализ записей русских эпических жанров на Анадыре см.: *Венедиктов* 1987; *Смирнов*, *Шенталинская* 1991: 32–37, № 26, 33, 34, 46, 80, 93, 135, 135а, 150, 195, 225; *Шенталинская* 1999, 2009; *Якубовская* 2008.

¹¹ Количественно эти жанры преобладают и в песеннике А.Е. Дьячкова.

¹² Из рецензии руководителя Государственного Северного народного хора, народной артистки СССР Н.К. Мешко на сборник "Марковские вечорки" (*Шенталинская* 1983).

¹³ Мотив сравнения пения с воем волков известен еще из предания о древних хуннах (*Иакинф* 1851: 249).

¹⁴ Пятиступенный бесполутоновый лад.

¹⁵ Ангемитонные – бесполутоновые. Следует отметить, что ангемитонные напевы распространены в мелодике нижнеколымских юкагиров; пентатоника, как эталонированная ладовая система, – составная часть интонационно-акустической культуры многих народов Сибири, в частности верхнеколымских юкагиров (*Игнатъева* 2005: 55; *Шейкин* 2002: 275). Приводимые примеры из: *Шенталинская* 1983: 5, 6; *Она же*. Русские народные песни села Марково Магаданской обл. Анадырского р-на. Дипломная работа ГМПИ им. Гнесиных. 1968. С. 75.

¹⁶ Мягкий и нежный голос поющих юкагирок был отмечен М.С. Вруцевичем (1891: 35).

¹⁷ Церковь была еще в Анадырском остроге, имелись церкви и в Нижнеколымске, и в Гижиге, откуда на Анадырь (начиная с 1820-х годов) стекалось будущее население Маркова; в Маркове церковь освятили в 1862 г.

¹⁸ Терцовая и секстовая вторы, как созвучия, наиболее привычные и благозвучные в восприятии современного слушателя, активно внедрялись в исполнение местных песен хормейстерами, руководителями самодеятельного хора "Марковские вечерки".

¹⁹ Вывод сделан знатоком народной скрипичной традиции Мариной Крюковой – участницей московского фольклорного ансамбля "Жар". Связь скрипичного исполнительства с эпической песней вызывает определенные ассоциации со сборником XVIII в. Кириши Данилова (Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. М., 1977), в котором музыкальные тексты эпических песен изложены в скрипичной фактуре.

²⁰ В ведомости имущества Северной Тихоокеанской экспедиции, составленной в апреле 1901 г. в посту Новоариинском (современный г. Анадырь), значатся три балалайки марковские и скрипка (АРАН 3: С. 12). Анадырская балалайка выставлена на стенде в Сибирском зале Музея естественной истории в Нью-Йорке.

²¹ По наблюдению И.А. Бродского (Богданова) свистки из тальника распространены повсеместно у народов Дальнего Востока (*Бродский* 1974: 157).

²² Аналогичное явление было отмечено Богоразом на Колыме: "Эти песни (робачьи. – Т.Ш.), как и сходные с ними р о б а ч ь и сказки, сохранили явный след юкагирского происхождения" (*Богораз* 1901: 177).

²³ Этими ласковыми словами называли здесь детей. "Олюска" – нарицательное для каждого младенца (*Сокольников* 1912: 143); исполнительница произносит его по-разному. Слово *йоглушка* входит еще и в местное выражение: "и да, *йоглушки*", что значит "жалко, к сожалению". Несомненна общность с юкагирским "йоулугэ" – "жалость" (*Николаева, Шалугин* 2002: 22, 28).

²⁴ Мольча – местное, распространенное в речи многозначное вставное слово. Богораз дает ему такое пояснение: "Мольче – прямо; попросту; очень" (*Богораз* 1901: 82).

²⁵ Величальные песни с припевом "Винограды красно зеленое".

²⁶ Знаки препинания добавлены; в угловых скобках – то, что неявно прочитывается, в квадратных – вставки автора данной публикации.

²⁷ Так исполнительница назвала свою мать; *сахальярами* называют метисов с русской и якутской кровью.

²⁸ Бессекундовые звукоряды весьма характерны для мелодики песен некоторых народов востока Сибири, например, эвенов, ульчей (*Айзенштадт* 1995: 26; *Айзенштадт и др.* 1966: 23, 25).

²⁹ О развернутой версии сказки, в которой обусловлен этот мотив, см. ниже.

³⁰ Подобную "мозаичность" отметил В.Я. Пропп, например, в настундах гиляков (нивхов), как характерную черту зародышевой стадии эпоса в процессе его перехода от мифа (*Пропп* 1976: 301–302). В случае же адаптации русских сказок в среде марковских чуванцев проявилась формальная сторона подобного художественного приема автохтонной традиции.

³¹ В связи с последним сюжетом нельзя обойти факт существования реалии, с которой могли когда-то встречаться марковцы. Это родовые идолы паренских коряков – *Ным'елген*. Они представляют собой деревянные шест высотой 1,5–1,75 м (человеческий рост!), врытого в землю. Верхний конец шеста большей частью заострен и имеет изображение человеческого лица. Если род *ным'елгена* вымер, он стоит голым и заброшенным. Если род жив, его кормят после удачного промысла и обязательно одевают в одежду из ритуальной травы (*Бауэр* 1934: 74–75).

³² Родство по матери связывает Юрия с Афанасием Ермиловичем Дьячковым.

³³ Примечательно, что игра "Ворон", многочисленные версии которой распространены в европейской части России, была зафиксирована В.И. Иохельсоном у коряков. Ученый и называет ее *корякской*. Опубликована фотография этой игры, сделанная в ходе Джезуповской экспедиции (*Иохельсон* 1997: 208; *Kendal et al.* 1997: Photo 37).

³⁴ Публикацию см.: *Савоскул* 1982; *Шенталинская* 2009а.

³⁵ Существование любовных пиктограмм было открыто в конце XIX в. у юкагиров, живущих по рекам Ясачной и Коркодону – притокам Колымы (*Шаргородский* 1895; *Иохельсон* 1898: 287; *Гурвич* 1975: 55–57).

Источники и литература

- Айзенштадт* 1995 – *Айзенштадт А.М.* Песенная культура эвенов. Красноярск, 1995.
- Айзенштадт и др.* 1966 – *Айзенштадт А.М., Нарва Х.Я., Португалов В.В.* Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. М., 1966.
- АМЦ "НЧ" – Архив Музейного центра "Наследие Чукотки" (г. Анадырь). Из архива В.С. Старикова.
- АРАН 1 – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 250. Оп. 1. № 115.
- АРАН 2 – Там же. Ф. 250. Оп. 1. № 118а.
- АРАН 3 – Там же. Ф. 250. Оп. 3. № 188.
- Бараг и др.* 1979 – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.
- Батьянова* 2005 – *Батьянова Е.П.* К портретам сибирских шаманов // Полевые исследования института этнологии и антропологии 2003 г. М., 2005. С. 150–165.
- Бауэр* 1934 – *Бауэр К.* Следы тотемического родового устройства у паренских чукочков // Советский Север. 1934. № 2. С. 70–78.
- Богданов (Бродский)* 1981 – *Богданов И.А.* Музыка народностей Чукотки. Пластинка М 30 43075-76, "Мелодия". Вып. 1981.
- Богораз* 1901 – *Богораз В.Г.* Областной словарь Колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В.Г. Богораз. СПб., 1901.
- Богораз* 1902 – *Богораз В.Г.* О принятии чукоч в русское подданство // Живая старина. Вып. 2. Отд. 1. СПб., 1902. С. 147–164.
- Браславец* 1975 – *Браславец К.М.* О фольклоре обрусевших чуванцев села Марково на Анадыре // Вопросы теории русского языка и диалектологии. Хабаровск, 1975. С. 166–183.
- Бродский* 1974 – *Бродский И.А.* О народных музыкальных инструментах и инструментальной музыке Дальнего Востока РСФСР // Теоретические проблемы народной инструментальной музыки. М., 1974. С. 156–162.
- Бурыкин* 1993 – *Бурыкин А.А.* Чуванцы. Происхождение и этническая история. Материальная и духовная культура (конец XIX – начало XX в.в.). Анадырь, 1993.
- Вахтин и др.* 2004 – *Вахтин Н., Головкин Е., Швайцлер П.* Русские старожилы Сибири. М., 2004.
- Венедиктов* 1987 – *Венедиктов Г.В.* Анадырские и колымские записи былии В.Г. Богораз // Русский фольклор. Т. 24. Л. 1987. С. 149–160.
- Вруцевич* 1891 – *Вруцевич М.С.* Обитатели, культура и жизнь в Якутской области. СПб., 1891.
- Гондатти* 1897 – *Гондатти Н.Л.* Оседлое население реки Анадырь // Зап. Приамурского отд. Императорского русского географического об-ва (ИРГО). Т. 3. Вып. I. Хабаровск, 1897.
- Гурвич* 1975 – *Гурвич И.С.* Юагиры: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
- Гурвич* 1992 – *Гурвич И.С.* Чуванцы // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1992. № 5. С. 76–83.
- Долгих* 1960 – *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Тр. Ин-та этнографии. Т. 55. М., 1960. С. 440.
- Дьячков* 1893 – Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова Г. [господина] Дьячкова // Зап. Об-ва изучения Амурского края. Т. II. Владивосток, 1893.
- Жихарев* 1992 – *Жихарев Н.А.* Повесть об Афанасии Дьячкове // *Дьячков А.Е.* Анадырский край. Магадан, 1992.
- Жукова и др.* 1989 – Фольклор юагигов Верхней Колымы: Хрестоматия / Сост. Л.Н. Жукова, И.А. Николаева, Л.Н. Демина. Ч. 1. Якутск, 1989.
- Жукова, Чернецов* 1992 – *Жукова Л.Н., Чернецов О.С.* Лунное лицо. Сказки юагигов. Фольклор народов Якутии. Якутск, 1992.
- Иакинф* 1851 – Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа (Н.Я. Бичурин). Ч. 1. СПб., 1851.
- Игнатьева* 2005 – *Игнатьева Т.И.* Музыкальный фольклор юагигов // Фольклор юагигов. Новосибирск, 2005. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 25.)
- Иохельсон* 1898 – *Иохельсон В.И.* По рекам Ясачной и Коркодону // Изв. ИРГО. Т. XXXIV. Вып. 3. СПб., 1898. С. 255–290.
- Иохельсон* 1997 – *Иохельсон В.И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.
- Кеннан* 1897 – *Кеннан Джордж.* Кочевая жизнь в Сибири... СПб., 1897.

- Киле* 1986 – *Киле Н.Б.* Тэлунгу в Нанайском фольклоре // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 60–68.
- Меркер* 1998 – *Меркер П.* Чуванская байка // Литературная Россия. 1998. 20 марта.
- Меркер* 2000 – *Меркер П.* Как рождаются легенды // Крайний Север. 2000. 14 июля.
- Николаева, Шалугин* 2002 – *Николаева И.А., Шалугин В.Г.* Юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект) словарь. СПб., 2002.
- Новикова* 1958 – Эвенский фольклор / Сост. К.А. Новиковой. Магадан, 1958.
- Патканов* 1911 – *Патканов С.К.* О приросте инородческого населения Сибири // Стат. матер. для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Пос. Марково, Чукотский автономный округ. Август 1981 г.
- ПМА 2 – То же. Апрель–май 2000 г.
- Пропп* 1976 – *Пропп В.Я.* Чукотский миф и гиляцкий эпос // Фольклор и действительность. М., 1976. С. 300–302.
- ПФА 1 – Полевая фонограмма автора. Марково. Январь 1969 г.
- ПФА 2 – То же. Август 1981 г.
- ПФА 3 – То же. 2000 г.
- Савоскул* 1982 – *Савоскул С.С.* Русская народная драма "Лодка" // Сов. этнография. 1982. № 5. С. 120–122.
- Смирнов, Шенталинская* 1991 – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подг. Ю.И. Смирнов и Т.С. Шенталинская. Новосибирск, 1991 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 3).
- Сокольников* 1912 – *Сокольников Н.П.* Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре // ЭО. 1912. № 3–4. С. 71–172.
- Сокольников* 1927 – *Сокольников Н.П.* Охотничьи и промысловые звери Анадырского края // Бюлл. Московского об-ва испытателей природы. Нов. сер. Т. 36. Вып. 1–2. М.; Л., 1927.
- Стариков* 1961 – *Стариков В.С.* К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова, первого марковского краеведа-самородка // Зап. Чукотского краеведческого музея. Вып. 11. Магадан, 1961.
- Туголуков* 1975 – *Туголуков В.А.* Поездка к чуванцам // Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР. 1974 г. М., 1975. С. 180–189.
- Туголуков* 1979 – *Туголуков В.А.* Кто вы, юкагиры? М., 1979.
- Шаргородский* 1895 – *Шаргородский С.М.* Об юкагирских письменах // Землеведение. 1895. № 2–3. С. 135–148.
- Шейкин* 2002 – *Шейкин Ю.И.* История музыкальной культуры народов Сибири. М., 2002.
- Шенталинская* 1983 – *Шенталинская Т.С.* "Марковские вечёрки": Репертуарный сб. Магадан, 1983.
- Шенталинская* 1995 – *Шенталинская Т.С.* Андыльщина – местный песенный жанр русских колымчан // Русский фольклор в инокультурном окружении. Государственный Республиканский центр русского фольклора: Сб. науч. тр. Вып. 6. М., 1995. С. 140–151.
- Шенталинская* 1996 – *Шенталинская Т.С.* Андыльщина (жанр-эндемик) // Экспедиционные открытия последних лет. СПб., 1996. С. 97–114.
- Шенталинская* 1999 – *Шенталинская Т.С.* Не прошло и ста лет. Фонографические записи русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедицией // Живая старина. 1999. № 2. С. 31–34.
- Шенталинская* 2003 – *Шенталинская Т.С.* Знаки любви // Живая старина. 2003. № 3. С. 9–14.
- Шенталинская* 2004 – *Шенталинская Т.С.* Элементы традиционной культуры аборигенов в русскоязычных анклавах на Северо-Востоке Сибири // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. матер. науч. конф. Государственный Республиканский центр русского фольклора. Вып. 6. М., 2004. С. 68–80.
- Шенталинская* 2009 – *Шенталинская Т.С.* Фонозаписи сибирского фольклора из американских архивов // Фольклор: Значение ранних записей. Ин-т мировой литературы РАН. М., 2009 г.
- Шенталинская* 2009а – *Шенталинская Т.С.* Русская "Лодка" на крайнем Северо-Востоке // Русская народная песня: Неизвестные страницы музыкальной истории. Вып. 2 (Сер. "Фольклор и фольклористика"). Тр. Российского института истории искусств РАН. Сектор фольклора. СПб., 2009.